

научная статья
УДК: 325.14
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

Интеграция боснийских беженцев в Швеции

Иванов Павел Сергеевич ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6081-644X>

Моркина Марта Александровна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

morkina_ma@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8253-3374>

Аннотация. Миграционная политика шведского королевства нацелена на максимальную интеграцию приезжих в свое общество. Примером успешной реализации шведской миграционной политики может служить интеграция боснийцев, массово бежавших из своей страны по причине вооруженного конфликта в Югославии. В статье показано, что шаги, предпринятые правительством Швеции, привели к всеобъемлющему вливанию новоприбывших во все сферы жизни общества. Перейдя от политики временного приема боснийцев к политике их активной интеграции в жизнь шведского общества, руководство королевства предприняло ряд мер: была увеличена квота приема беженцев из Югославии, для них стал доступен рынок труда, предоставлялись равные с коренным населением права и возможности. Адаптивные меры включали в себя быструю переквалификацию боснийцев под стандарты шведского образования, поддержку новой для страны мусульманской религии, создание общественных организаций, контролирующей процессы адаптации и интеграции мигрантов. Одновременно с этим было установлено, что в миграционной политике Швеции того времени были допущены и некоторые ошибки. Так, бесконтрольное расселение беженцев осуществлялось без учета потребностей локальных рынков труда, некоторые регионы страны оказались перенаселены мигрантами, что сказалось на уровне безработицы. Несмотря на это, большинство боснийских беженцев успешно адаптировались и стали полноправными членами шведского общества, что является следствием предоставления им возможности самостоятельно выбирать степень интеграции в Швеции и новаторских для того времени интеграционных механизмов. На основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что опыт Швеции в вопросе интеграции боснийских беженцев можно признать успешным и требующим дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Швеция; югославский конфликт; миграционная политика; мигранты; ассимиляция

Для цитирования: Иванов П.С., Моркина М.А. Интеграция боснийских беженцев в Швеции // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 65–83. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

© Иванов П.С., Моркина М.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 325.14

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

Integration of Bosnian Refugees in Sweden

Pavel S. Ivanov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6081-644X>

Marta A. Morkina

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
morkina_ma@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8253-3374>

Abstract. *The migration policy of the Kingdom of Sweden is aimed at maximizing the integration of newcomers into their society. An example of the successful implementation of the Swedish migration policy is the integration of Bosnians, who fled their country in large numbers due to the armed conflict in Yugoslavia. This paper proves that the steps taken by the Swedish government led to a comprehensive infusion of newcomers into all areas of society. Moving from a policy of temporary admission of Bosnians to a policy of their active integration into the life of Swedish society, the government of the kingdom took a number of measures: the quota for accepting refugees from Yugoslavia was increased, the labor market became available for them, and equal rights and opportunities were provided with the indigenous population. Adaptive measures included the rapid retraining of Bosnians to the standards of Swedish education, support for the new Muslim religion for the country, and the creation of public organizations that control the processes of adaptation and integration of migrants. At the same time, it was found that some mistakes were made in the migration policy of Sweden at that time. Thus, the uncontrolled resettlement of refugees was carried out without considering the needs of local labor markets, some regions of the country were overpopulated by migrants, which affected the unemployment rate. Despite this, the majority of Bosnian refugees successfully adapted and became full members of Swedish society, which is a consequence of giving them the opportunity to choose their own degree of integration in Sweden and innovative integration mechanisms for that time. Based on these results, it was concluded that Sweden's experience in the integration of Bosnian refugees can be considered successful and requires further study.*

Keywords: Sweden; Yugoslav conflict; migration policy; migrants; assimilation

For citation: Ivanov, P.S., Morkina, M.A. Integration of Bosnian Refugees in Sweden. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 65–83. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

© Ivanov, P.S., Morkina, M.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В настоящее время в Европе остро стоит вопрос миграции беженцев. Их количество постоянно увеличивается, и, весьма вероятно, данная

тенденция сохранится в силу нынешних обстоятельств в мире. Так, в первой половине 2022 г. в ЕС было подано 405 500 заявлений о предоставлении убежища (из них 365 400 заявлений впервые). Это на 63% больше, чем за тот же период в 2021 г., а также на 21% больше, чем до пандемии коронавируса (тот же период в 2019 г.). В марте 2022 г. количество заявок превысило 80 000, что является самым высоким месячным уровнем с 2016 г. (рис. 1) [1].

Рис. 1. Ходатайства о предоставлении убежища в ЕС в период с 2019–2020 гг. [1].

Международная миграция вызвана экономическими, социальными и политическими проблемами, среди которых, в частности, можно назвать военные конфликты или низкий уровень жизни населения.

На сегодняшний день многие страны Европы продолжают принимать большое число мигрантов из разных частей планеты. Это становится серьезной проблемой для местных жителей принимающих стран. С ростом числа мигрантов в европейских странах ухудшается общая ситуация, связанная с ростом криминала, демографическим кризисом, дестабилизацией общества, ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, а также с увеличением бюджетных трат на социальные выплаты переселенцам, что приводит к экономическим кризисам, сотрясающим Европу [2, с. 25–26].

Политики, экономисты, политологи и социологи со всего мира пытаются найти правильное решение для успешной интеграции беженцев в общество принимающих их стран. В рамках интеграционных стратегий

ЕС эта концепция в основном касается политических и экономических мер, однако не менее важным представляется социальный и культурный аспекты. В мультикультурном обществе проводится грань между интеграцией, для которой характерно принятие культуры большинства культурой меньшинства при отсутствии антагонистических настроений, и ассимиляцией, при которой происходит поглощение культуры мигрантов культурой принимающей стороны. Интеграция основана на способности общества предоставлять равные возможности и права всем гражданам, независимо от их этнического происхождения и вероисповедования, а сами мигранты имеют право сохранять культурную идентичность и самостоятельно принимают решение о том, в какой степени входить в принимающее общество. При ассимиляции мигрантам предлагается использовать имеющиеся экономические, политические и культурные ресурсы принимающей страны, они должны принять социальные и культурные особенности того или иного государства, а также участвовать в жизни общества наравне с местными жителями [3, с. 1]. В условиях постоянного роста миграции во всех регионах мира правильный выбор миграционной политики определяет благополучие общества в целом.

Таким образом, актуальность статьи заключается в том, что пример шведской миграционной политики в отношении боснийских беженцев может послужить материалом для изучения и внедрения практики успешной интеграции мигрантов в страны пребывания как с политической, экономической, так и социальной точек зрения.

Научная гипотеза данного исследования заключается в предположении: чем меньше государство навязывает мигрантам полную ассимиляцию, предлагает интегрироваться в той степени, в какой новоприбывший сам того хочет, предоставляя при этом равные права и возможности, то интеграция осуществляется быстрее и эффективнее. Примером тому является успешная интеграция боснийских беженцев в Швеции.

Целью исследования является выявить специфику феномена успешной адаптации боснийцев в шведское общество. В связи с этим, авторами были рассмотрены вопросы, связанные с причинами миграции боснийцев в Швецию и мерами, принимаемыми правительством для интеграции беженцев из Боснии и Герцеговины. Проанализированы

факторы, повлиявшие на процесс успешной интеграции боснийских мигрантов, отмечены ошибки, допущенные шведским правительством при приеме беженцев. В качестве иллюстрации приведены литературные произведения, в которых описано отношение мигрантов к полной ассимиляции в стране.

Перспектива исследования видится в том, что данная статья может послужить дальнейшему исследованию миграционной политики других стран, в том числе России, с целью изучения того, как реальная интеграция мигрантов отличается от заявленного государством курса. Подобные исследования помогут подтвердить или опровергнуть выдвинутую авторами статьи научную гипотезу.

При исследовании материалов были использованы статистический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Вопрос миграции боснийцев, связанный с проблемой войны в Югославии, рассматривался такими зарубежными авторами как Хагебутрос Дж. (Hageboutros J.) (2016) [4], Барслунд М. (Barslund M.) (2017) [5], Уловссон Д. (Olovsson D.) (2007) [6]. В работе использовались материалы из конституции Швеции [7], письма правительства в риксдаг (шв. Regeringens skrivelse) [8], статистические данные с сайта Европейской комиссии [1], а также данные с официальных сайтов организаций, таких как Шведский миграционный Совет (шв. Migrationverket) [9], Национальное управление среднего образования (шв. Skolverket) [10]. В России тема интеграции боснийских беженцев в Швеции мало изучена.

Новизна работы заключается в комплексном анализе успешной интеграции боснийцев в Швеции сквозь призму проводимой миграционной политики, заключающейся в отказе от ассимиляции и переходе к полной «мягкой» интеграции. Кроме того, впервые для иллюстрации шведской миграционной политики в статье были использованы художественные произведения автора боснийского происхождения З. Бечевича (Bečević Z.) (2009) [11].

Материалы и результаты исследования

В 1950-е и 1960-е годы промышленность Швеции нуждалась в приросте рабочей силы, что было компенсировано привлечением трудовых

мигрантов из стран Северной Европы, а позднее из ФРГ, Италии, Греции и Югославии. Шведская миграционная политика в то время являлась политикой ассимиляции [12, p. 253]. Многие прибывшие вернулись домой, что подтверждает научную гипотезу о том, что навязывание культуры принимающей страны неизменно вызывает отторжение у мигрантов [6, p. 31].

В 1975 г. шведский риксдаг принял решение о новых возможностях для приезжих и национальных меньшинств. Его суть заключалась в трех словах: «Равенство, свобода выбора и взаимодействие» (шв. *Jämlikhet, valfrihet, samverkan*). Это означало, что отныне мигранты имели равные права и обязанности с коренными шведами, а также сами решали, в какой степени им сохранять свой язык, культуру и идентичность. Тем самым правительство сделало Швецию привлекательной для мигрантов со всего мира [6, p. 256].

К середине 1980-х гг. число просителей убежища в королевстве значительно увеличилось, что стало причиной разногласий в проводимой Швецией миграционной политике. Либеральная партия, Партия зеленых и Левая партия требовали перемен [13, с. 30–31]. В связи с этим Закон об иностранцах 1976 г., который характеризовался предоставлением равных прав иностранным гражданам и приоритетом семейной миграции, был пересмотрен. Беженцы, не подпадающие под действие Женевской конвенции, лишались права предоставления убежища, однако после выборов 1991 г. Швеция вновь вернулась к открытости и доброжелательности ко всем приезжим беженцам, и миграционная политика была перенаправлена на курс интеграции [14, p. 5–6].

Югославский кризис 1991–2002 гг., приведший к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославии (далее СФРЮ), стал самым кровавым конфликтом со времен Второй мировой войны. После прекращения попечительства белградских властей и вследствие провозглашения независимости ряда субъектов, таких как Хорватия, Македония и Словения, настало время для повторения подобного сценария и в Социалистической Республике Боснии и Герцеговины, которая являлась третьим по численности населения субъектом СФРЮ (около 4,5 млн. жителей). В ней проживали этнические боснийцы (44%), в

большинстве своем являющиеся мусульманами, сербы (31%), исповедующие православие, и католики-хорваты (17%). Референдум о независимости Боснии и Герцеговины прошёл 29 февраля 1992 г. без участия сербов, населяющих территории данной республики. Результаты референдума были отвергнуты лидерами боснийских сербов, которые в то время создали свою собственную республику [15, с. 94–96].

После провозглашения независимости разгорелась война, в которой сербы из Боснии получили поддержку от правительства Сербии, возглавляемого Слободаном Милошевичем, и Югославской Народной Армии. Вскоре боевые действия распространились по территории всей республики Югославия. Они характеризовались ожесточёнными боевыми действиями, беспорядочными обстрелами городов и сёл, этническими чистками, массовыми изнасилованиями, геноцидом. Осада Сараево и резня в Сребренице стали печально знаменитыми событиями этой войны [15].

Причиной начала столь тяжелых времен для Балканского полуострова стали национальные разногласия между народами, проживающими на этой территории. По мнению помощника бывшего госсекретаря США Ричарда Холброка, власти сербского Белграда вели агрессивную кампанию в отношении хорватов и мусульманского населения Югославии, в число которых входили и боснийцы [16, р. 12].

Конец гражданской войне в Республике Босния и Герцеговина положило Дейтонское соглашение, подписанное в 1995 г., в котором было объявлено о прекращении огня и разделении враждующих сторон [15, с. 94–96].

По итогам войны общее число беженцев составило более чем 2,2 млн. человек. Многие из них перебрались в другие бывшие югославские республики, где впоследствии подверглись еще большему давлению со стороны властей [15, с. 96].

Около 650 000 беженцев смогли иммигрировать в ряд европейских стран за пределами бывшей Югославии и приобрести временную защиту в Европейском Союзе [12, р. 50].

Самое большое количество боснийских мигрантов в период прохождения боевых действий на территории Боснии и Герцеговины

приняли пять европейских государств: Германия (320 тыс.), Австрия (86,5 тыс.), Швеция (58,7 тыс.), Нидерланды (22 тыс.) и Дания (17 тыс.) [5].

Так как для выбора места миграции для беженцев существует два основополагающих критерия – наличие диаспоры в той или иной стране и географическая близость – Германия и Австрия приняли самый значительный удар по приему беженцев, а, учитывая долю местного населения каждого из принимающих государств, Австрия несла на себе самое тяжелое бремя. Этому способствовала географическая близость страны к границам конфликта, а также давние исторические связи, когда Босния была оккупирована Австро-Венгерской империей в 1878 г. [5].

Ведущие европейские страны уже имели опыт работы с относительно большим количеством беженцев после окончания Второй мировой войны. Тяжелая экономическая обстановка в конце 1960-х годов вынудила ряд европейских стран принимать на своей территории большое число трудовых мигрантов, в том числе из Югославии. Оставшиеся с тех времен гастарбайтеры активно привлекали к себе родственников и друзей, вынужденных бежать от ужасов войны [12, p. 50–51].

Швеция пережила большой приток югославских иммигрантов еще в период между 1940 и 1970 годами, главным образом под влиянием экономических возможностей и потребностей рынка труда в обрабатывающей промышленности, которая в то время развивалась быстрыми темпами. В связи с этим и в Швеции сформировалась обширная боснийская диаспора [13, p. 4].

Во времена Боснийской войны (1992–1995) экономическая обстановка во всех принимающих мигрантов странах была неблагоприятной. Глобальная рецессия после краха в 1987 г. фондового рынка «черного понедельника» была характерна для конца 1980-х и начала 1990-х гг. Во многих странах наблюдалось резкое увеличение цен на нефть и снижение темпов экономического роста. Кризис сопровождался незначительным повышением уровня безработицы во всех развитых европейских государствах [5].

Поначалу, как и другие европейские страны, Швеция предполагала краткосрочное размещение беженцев из Югославии на своей территории. Большинство шведов были уверены, что наплыв боснийских мигрантов –

временное явление [5]. Но в 1992 г. правительство выступило с инициативой перейти от политики временного приема беженцев к политике, подразумевавшей работу по активной адаптации к жизни в Швеции как с новоприбывшими боснийцами, так и с теми, кто живет в Швеции уже какое-то время, а также с коренным населением по принятию новых членов общества [17].

В качестве чрезвычайной меры риксдаг выделил 42 000 долларов на обеспечение условий для постоянного проживания боснийских беженцев. Это означало, что Швеция была готова оставить мигрантов из Боснии и Герцеговины на постоянной основе, не рассматривая личные дела просящих убежище. Квота для беженцев 1992–1993 гг. приоритетно выделялась беженцам Балканской войны [6, р. 6–8].

В стране начали действовать специальные государственные институты, главным из которых была Интеграционная коллегия (шв. Integrationsverket), в задачи которой входили: постоянный мониторинг интеграционных проблем в различных слоях общества и всех сферах его деятельности; популяризация идеи двустороннего участия в процессе интеграции (как иммигрантов, так и коренного населения); противостояние этнической дискриминации, расизму и ксенофобии; разработка конкретных мер интеграционной помощи для новоприбывших и административная поддержка муниципалитетов, на базе которых такие меры осуществлялись [17].

Для беженцев, получивших постоянное место жительства, был открыт доступ на шведский рынок труда. Швеция ввела дополнительные образовательные курсы для иммигрантов, прибывших с югославскими паспортами. Они были рассчитаны на полтора года и включали в себя уроки шведского языка, а также среднее дополнительное образование на выбор [17].

У боснийцев была возможность повысить уровень образования, полученного в родной стране, для повышения уровня знаний до стандартов шведского образования. Тем самым их шансы устроиться на высококвалифицированную работу увеличивались, и боснийцы активно пользовались этим [17].

Работодатели в течение шести месяцев получали от Шведского национального управления занятости (шв. Arbetsförmedlingen) пятидесятипроцентную субсидию на заработную плату для беженцев старше 20-ти лет. По мнению экспертов, эта инициатива привела к улучшению доступа иммигрантов к рынку труда. Боснийцы получали из казны государства социальную помощь, именуемую «вступительным пособием» (шв. Introduktionsersättning), которая предназначалась для обеспечения первостепенных нужд [8].

После подписания Дейтонского соглашения возвратная миграция боснийцев была добровольной, а не принудительной репатриацией, как в некоторых странах Европы. Кроме того, был создан ряд шведских волонтерских организаций, а также специальные программы и проекты для желающих вернуться в Боснию, а Шведский миграционный Совет (шв. Migrationsverket) оказывал им финансовую помощь [9].

Большая проблема возникла с вхождением новой для Швеции религии в общество. Долгое время страна была гомогенной не только в этническом, но и в конфессиональном плане. Вплоть до 1951 г., когда в Швеции был принят закон о свободе вероисповедания (шв. Religionsfrihetslag), шведская государственность базировалась на принципе «Одна нация, один народ, одна вера» (шв. En nation, ett folk, en tro). На протяжении почти четырехсот лет «одной верой» шведов было лютеранство [7].

Со времен первых массовых переездов мусульман в Швецию в стране появилась необходимость поддержания и развития иммигрантской мусульманской культуры и исламских религиозных традиций.

В крупных городах Швеции, где проживает более 90% живущих в стране мусульман, были построены мечети: суннитские – в Стокгольме, Мальмё, Упсале и Вестеросе; шиитская – в Тролльхеттане; мечеть ахмадитов – в Гётеборге. В каждом из этих городов есть и так называемые подвальные мечети. Всего же в стране 150 официально зарегистрированных мусульманских организаций [17].

Первая крупная организация, объединившая мусульманские приходы в Швеции – FIFS (шв. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige) [18]. В связи с культурно-этническими конфликтами и идеологических

расхождений появилось и Объединение мусульман-боснийцев (шв. BHIRF – Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund), основной задачей которого является объединение верующих выходцев-боснийцев, распространение информации об исламе и мусульманах в Швеции [19].

Успешную ассимиляцию беженцев из бывшей Югославии в Швеции можно наблюдать на примере политиков, занимавших высокие государственные должности в стране. Это и бывший депутат Европарламента от либералов Ясенко Селимович (шв. Jasenko Selimović), и самый молодой министр правительства Швеции Аида Хаджиалич (шв. Aida Hadzialić), и бывший депутат парламента от социал-демократов Ясенко Оманович (шв. Jasenko Omanović). Помимо политиков на важных постах несколько боснийских беженцев занимают руководящие должности в ведущих шведских компаниях, таких как Nordea, Ericsson и Volvo, некоторые стали знаменитыми спортсменами [20], например, Златан Ибрагимович (шв. Zlatan Ibrahimović) и деятелями культуры, например, журналистка Негра Эфендич (шв. Negra Efendić) и писатель Зульмир Вечевич (шв. Zulmir Večević).

Исследование, проведенное в университете Линнея в 2016 г. показало, что благодаря принятым мерам более высокая доля боснийцев по сравнению с беженцами из других стран нашла работу в Швеции. В возрастной группе 20–24 лет занятость была практически на том же уровне, что и у местных шведов, а доля занятых в возрасте 25–29 лет была даже немного выше, чем у людей, родившихся в Швеции [21].

Боснийским беженцам было легче интегрироваться в шведское общество в связи со сходством в уровне образования в Югославии, где основное общее образование было обязательным до 15 лет, а учащихся мотивировали в получении среднего образования до 19 лет. Эта система во многом схожа со шведской, где школа обязательна до 16 лет, и большинство учеников затем переходят в старшие классы средней школы [10].

Шведские власти знали о довольно высоком уровне грамотности прибывших боснийцев в то время. В шведском правительственном документе 1993 г. оптимистично отмечается, что интеграция этих людей должна быть облегчена, поскольку речь идет об относительно однородной и хорошо образованной группе [22].

Одной из причин быстрой адаптации в шведском обществе исповедующих ислам боснийцев стал тот факт, что этот народ не является последователем строгих законов и обычаев мусульманской веры, как принято в Арабских странах и на Ближнем Востоке. Босния и Герцеговина в составе Югославии была светским государством, где религия не играла важнейшую роль в системе государственного управления и во всех сферах жизни. Кроме этого, боснийцы внешне не отличаются от среднестатистического европейца, что тоже послужило одним из факторов их довольно простого вливания в шведский социум [17].

Однако не все действия Швеции по выполнению плана приема боснийцев были верными. Система «саморасселения» (шв. *egenbosätning*) приводила к географической концентрации новоприбывших в неблагополучных городских районах, уже заселенных по большей части мигрантами [25, p. 21]. Политика распределения беженцев по всей Швеции с целью избежать создания концентрированных групп и, следовательно, инициировать более быстрый процесс интеграции, не учитывала тот факт, что некоторые муниципалитеты больше других страдали от высокой безработицы, последовавшей за финансовым кризисом. Это имело неприятные последствия как для мигрантов, попавших по распределению в эти муниципалитеты, так и для местного населения. В период с 1993 по 1994 г. только 24% из них в возрасте от 20 до 59 лет нашли работу через четыре года [20].

Еще одной ошибкой следует признать слишком долгое время для признания уровня навыков высокообразованных прибывших мигрантов, которым приходилось полтора года проходить специальные адаптивные курсы [20].

Дискуссия

Все вышеперечисленные обстоятельства объясняют положительную динамику интеграции мигрантов из Боснии и Герцеговины в Швеции, проявившуюся в том, что новоприбывшие, став полноценными членами шведского общества, приняли шведскую культуру, быт и т. п., не потеряв при этом своей идентичности. Миграционная политика Швеции 1990-х гг. на данном примере доказала возможность решения проблемы интеграции беженцев в общество страны пребывания без социокультурного давления.

Максимальная интеграция в новое общество на всех уровнях часто является целью многих мигрантов. Так, например, биография известного шведского писателя греческого происхождения Теодора Каллифатидеса (шв. Theodor Kallifatides) являет собой пример такой интеграции. Во многих своих произведениях он обращается к опыту миграции, включающему в себя чувство отчужденности и отчаянное желание стать естественной частью шведского общества и культуры, быть принятым местным населением в качестве «своего». Примером может быть его роман «Прошлое – это не сон» (шв. *Det gångna är inte en dröm*, 2010) [23].

Однако, не всегда успешная культурная интеграция, а порой даже и полная ассимиляция, воспринимается самими мигрантами положительно. Так, упоминавшийся ранее писатель Зульмир Бечевич в романе «Дневники Свенхаммеда» (шв. *Svenhammeds journaler*, 2009) [11] обращает внимание читателей на обратную сторону успешной интеграции, а именно на полную потерю культурных корней так называемым «вторым поколением» мигрантов. Сам писатель родился в 1979 г. в Орашье, но в 1992 г. его семья была вынуждена бежать в Швецию, поэтому неудивительно, что, как и многие другие писатели-мигранты, свое творчество он посвящает исследованию проблем культурной идентичности новоприбывших [24, с. 1439]. Как видно из названия романа, имя главного героя состоит из двух – скандинавского имени Свен и важного, общего для всего мусульманского мира имени Мохаммед: родители сознательно пошли на этот шаг, желая объединить две культуры и считая Швецию вторым домом, где можно спокойно и в безопасности растить детей. О происхождении родителей Свенхаммеда читателю ничего неизвестно, кроме того, что они прибыли из одной из мусульманских стран. В Швеции они остаются «на обочине» общества: отец содержит лавку, где продает фрукты и овощи, мать не имеет никакого занятия, помимо приготовления пищи на всю семью, оба не владеют шведским языком в должной степени. Сын должен был стать «связующим звеном», неким «мостом» между ними и Швецией, взяв лучшее от двух культур, однако этого не происходит: как он сам признается на страницах своего дневника, он не принадлежит ни к одной из культур: «Первое: Я родился в Швеции, но я не швед. Второе: Я знаю шведский лучше, чем шведы, но я не швед. Третье: Шведский, вообще-то,

единственный язык, который я знаю, но я все равно не швед» (шв. «Ett: Jag är född i Sverige, men jag är inte svensk. Två: Jag kan svenska bättre än svenskarna, men jag är inte svensk. Tre: Svenska är faktiskt det enda språk jag kan, men jag är ändå inte svensk.») [11, p. 6]. Более того, в своем желании вырастить шведа, родители не научили его говорить на родном для них языке, при этом сам подросток воспринимает это весьма болезненно: «Я так никогда и не получил возможности изучать мой родной язык. Я никогда им этого не прощу» (шв. «Jag fick aldrig möjligheten att lära mig hemspråket. Jag kommer aldrig förlåta dem för det») [11, p. 15]. Свенхаммед, выросший в культурном вакууме, не имеет фундамента, на котором мог бы выстроить самоидентичность, чувствует свою неполноценность и стыдится ее: «...у меня нет никаких корней... у меня нет другого родного языка... я говорю только по-шведски, – ответил я, и по какой-то причине, я не знаю, почему, я почувствовал, как стыд пронизывает все мое тело» (шв. «...jag har inga rötter... jag har inget modersmål... jag kan bara svenska», svarade jag, och av nån anledning, jag vet inte varför, kände jag skammen genomsyra min kropp») [11, p. 42]. Примечательно, что автор не раскрывает, из какой страны прибыли родители Свенхаммеда – из Боснии и Герцеговины или другой мусульманской страны. Проблема является, по мнению писателя, универсальной для всех мигрантов: в погоне за лучшей жизнью для своих детей, родители лишают их какой-либо культурной принадлежности вообще. Вероятно, наблюдая за интеграцией бывших соотечественников и, возможно, своей собственной, автор предупреждает о возможных последствиях попыток полностью ассимилироваться в новом обществе.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в период распада Югославии в правовых нормах европейских стран существовали различия по дальнейшей судьбе мигрантов. У большинства государств Европы, принимающих беженцев-жертв Балканской войны, был определенный сценарий действий. Они не планировали изначально принимать боснийцев на постоянной основе и не предпринимали никаких усилий по интеграции беженцев в свои страны, репатриировав большинство мигрантов из Боснии и Герцеговины после Дейтонского соглашения. Швеция с первых дней

вела дружественную политику по отношению к прибывшим из Югославии иммигрантам.

Пример интеграции боснийских беженцев и их быстрой адаптации к жизни в Швеции можно признать положительным. Уже второе поколение полностью интегрировалось в шведское общество, считается полноправной и, в целом, благополучной частью общества, сохранив при этом свою идентичность и культуру. Этому способствовало несколько благоприятных факторов: продуманная политика властей Швеции и заинтересованность в интеграции переселенцев, вынужденных бежать от войны.

К ошибкам можно отнести не всегда взвешенный подход к расселению боснийских мигрантов, создание концентрированных групп в неблагополучных районах шведских городов, длительную переквалификацию высокообразованных кадров.

Швеция благодаря политике «открытых дверей» и сейчас является европейской страной, привлекательной для миграции, поэтому исследование процесса интеграции боснийцев очень важно с точки зрения современных реалий. Несмотря на то, что было допущено много ошибок, данный опыт нужно изучать, анализировать и прорабатывать, так как рост числа мигрантов в мире создает огромное количество проблем как для беженцев, так и для принимающих стран, препятствует их экономическому развитию и приводит к политической, социальной и экономической нестабильности [26, p. 6–7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Statistics on migration to Europe. Overall Figures of Immigrants in European Society. 01.01.2022. *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en#:~:text=In%202021%2C%20asylum%20seekers%20came,than%20in%202019%2C%20before%20COVID (accessed: 03.02.2023).
2. Нарочницкая Е.А. «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе // Актуальные проблемы Европы. 2016. №4. С. 20–37.
3. Кириллова А.И. Ассимилированность мигрантов (типологический подход) // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10. Вып. 4. С. 205–211.
4. Hageboutros, J. The Bosnian Refugee Crisis. A Comparative Study of German and Austrian Reactions and Responses. *Swarthmore International Relations Journal*. 2016. Iss. 1. P. 50–60. DOI: 10.24968/2574-0113.1.12.

5. Barslund, M., Busse, M., Lenaerts, K., Ludolph, L., Renman, V. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 257–263. Available at: [file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20\(4\).pdf](file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20(4).pdf) (accessed: 20.01.2023).
6. Olovsson, D. Return Migration from Sweden to Bosnia and Herzegovina. A Study of the Refugees Who Arrived to Sweden in 1993 and 1994. Växjö University. School of Management and Economics, 2007. 44 p.
7. Religionsfrihetslag (1951:680). Sveriges Riksdag. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/religionsfrihetslag-1951680_sfs-1951-680 (accessed: 20.01.2023).
8. Regeringens skrivelse 1997/98:23. Sveriges Riksdag. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/invandrings--och-flyktingpolitiken_GL0323/html (accessed: 16.01.2023).
9. Migrationsverket. Available at: <https://www.migrationsverket.se/> (accessed: 21.01.2023).
10. Skolverket. Available at: <https://www.skolverket.se/> (accessed: 19.01.2023).
11. Bečević, Z. Svenhammends journaler. Stockholm: Alfabetabokförlag, 2009. 186 p.
12. Hellstam, D. Sverige på svenska. Lund: Folkuniversitetets förlag, 2000. 264 p.
13. Бутенко В. Миграционная политика Швеции: до и после 2015 года // Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: Материалы XI Международного научно-практического форума, (Москва, 5–6 декабря 2019 г.) / Под. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. С. 28–34.
14. Emilsson, H. Continuity or Change? The Refugee Crisis and the End of Swedish exceptionalism. *MIM Working Papers Series*. 2018. № 18(3). 22 p.
15. Анникова В.А., Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4. С. 94–102.
16. Saeed, A. Lessons learned from the Bosnian Conflict. James Madison University. 2014. 51 p.
17. Веретевская А.В. Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса 12.09.2013 // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторических перспектив, интернет-портал «Перспективы». [эл. доступ]. URL: https://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (дата обращения: 12.01.2023).
18. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige. Available at: <https://fifs.se/> (accessed: 17.01.2023).
19. Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund. Available at: <https://izb.se/o-nama/> (accessed: 17.01.2023).
20. Roden, L. What Lessons Can Sweden Learn from its Yugoslavian Refugees. 18.09.2017. *The Local*. Available at: <https://www.thelocal.se/20170918/what-lessons-can-sweden-learn-from-its-yugoslavian-refugees/> (accessed: 17.01.2023).
21. Efendić N. Bosniers integration sticker ut – gåta för forskare. 14.09.2016. *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/a/JXqM8/bosniers-integration-sticker-ut-gata-for-forskare> (accessed: 15.01.2023).

22. Ekenberg, K. Bosnier bäst på Svenssonliv 17.08.2008. *Arbetarbladet*. Available at: <https://www.arbetarbladet.se/2008-08-17/bosnier-bast-pa-svenssonliv> (accessed: 10.01.2023).
23. Kallifatides, T. *Det gångna är inte en dröm*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010. 233 p.
24. Моркина М.А. Фигура Матери в современной шведской литературе о мигрантах как фактор формирования культурной идентичности. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Том 14. Вып. 5. С. 1435–1441.
25. Brochmann, G., Hagelund, A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The emergence of a social policy problem. *Nordic Journal of Migration Research*. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 13–24. DOI: 10.2478/v10202-011-0003-3.
26. Zegarac, J. Becoming integrated – pathways and navigation within a Swedish municipality. A case study about Bosnians integration processes in Värnamo. University of Göteborg, Department of Social Work, 2015. 66 p.

REFERENCES

1. Statistics on migration to Europe. Overall Figures of Immigrants in European Society. 01.01.2022. *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en#:~:text=In%202021%2C%20asylum%20seekers%20came,than%20in%202019%2C%20before%20COVID (accessed: 03.02.2023).
2. Narochnitskaya Ye.A. Krizis bezhentsev i immigratsionnyy vopros v Yevrope [The Refugee Crisis and the Immigration Issue in Europe]. *Aktualnyye problemy Yevropy*. 2016. №4. P. 20–37. (In Russ.).
3. Kirillova A.I. Assimilirovannost migrantov (tipologicheskiy podkhod) [Assimilation of Migrants (Typological Approach)]. *Vestnik NGU. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2010. T. 10. № 4. P. 205–211. (In Russ.).
4. Hageboutros, J. The Bosnian Refugee Crisis. A Comparative Study of German and Austrian Reactions and Responses. *Swarthmore International Relations Journal*. 2016. Iss. 1. P. 50–60. DOI: 10.24968/2574-0113.1.12.
5. Barlund, M., Busse, M., Lenaerts, K., Ludolph, L., Renman, V. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 257–263. Available at: [file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20\(4\).pdf](file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20(4).pdf) (accessed: 20.01.2023).
6. Olovsson, D. Return Migration from Sweden to Bosnia and Herzegovina. A Study of the Refugees Who Arrived to Sweden in 1993 and 1994. Växjö University. School of Management and Economics, 2007. 44 p.
7. Religionsfrihetslag (1951:680) [Freedom of Religion Act (1951:680)]. *Sveriges Riksdag*. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/religionsfrihetslag-1951680_sfs-1951-680 (accessed: 20.01.2023). (In Swed.).
8. Regeringens skrivelse (1997/98:23) [The Government's Letter (1997/98:23)]. *Sveriges Riksdag*. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/invandringsoch-flyktingpolitiken_GL0323/html (accessed: 16.01.2023). (In Swed.).

9. Migrationsverket [The Swedish Migration Agency]. Available at: <https://www.migrationsverket.se/> (accessed: 21.01.2023). (In Swed.).
10. Skolverket [The Swedish National Agency for Education]. Available at: <https://www.skolverket.se/> (accessed: 19.01.2023). (In Swed.).
11. Bečević Z. Svenhammends journaler [Svenhammed's Diaries]. Stockholm: Alfabeta Bokförlag, 2009. 186 p. (In Swed.).
12. Hellstam D. Sverige på svenska [Sweden in Swedish]. Lund: Folkuniversitetets förlag, 2000. 264 p. (In Swed.).
13. Butenko V. Migratsionnaya politika Shvetsii: do i posle 2015 goda [Migration Policy in Sweden: Before and After 2015]. *Migratsionnye mosty v Evrazii: novye podhody k formirovaniyu migratsionnoj politiki v interesah ustojchivogo razvitija*: Materialy XI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, (Moskva, 5–6 dekabrya 2019 g.). Pod. Red. S.V. Rjazanceva, M.N. Hramovoj. M.: Izd-vo «Jekon-Inform», 2020. P. 28–34. (in Russ.).
14. Emilsson, H. Continuity or Change? The Refugee Crisis and the End of Swedish exceptionalism. *MIM Working Papers Series*. 2018. № 18(3). 22 p.
15. Annikova V. A., Radusinovich M. Etnicheskiye konflikty na territorii byvshey Yugoslavii [Ethnic Conflicts in the Territory of the Former Yugoslavia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. 2015. T. 15. № 4. P. 94–102. (in Russ.).
16. Saeed, A. Lessons learned from the Bosnian Conflict. James Madison University. 2014. 51 p.
17. Veretevsckaya A.V. Musulmane v Shvetsii: obostreniye integratsionnogo krizisa [Muslims in Sweden: the Aggravation of the Integration Crisis]. 12.09.2013. *Setevoye izdaniye Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskikh perspektiv*, internet-portal «Perspektivy». [el. dostup]. URL: https://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostreniye_integratsionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (data obrashcheniya: 12.01.2023). (In Russ.).
18. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige [United Islamic Associations in Sweden]. Available at: <https://fifs.se/> (accessed: 17.01.2023). (In Swed.).
19. Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund [Islamic Association of Bosnia and Herzegovina in Sweden]. Available at: <https://izb.se/o-nama/> (accessed: 17.01.2023). (In Swed.).
20. Roden, L. What Lessons Can Sweden Learn from its Yugoslavian Refugees. 18.09.2017. *The Local*. Available at: <https://www.thelocal.se/20170918/what-lessons-can-sweden-learn-from-its-yugoslavian-refugees/> (accessed: 17.01.2023).
21. Efendić N. Bosniers integration sticker ut – gåta för forskare [Bosnians' integration stands out – puzzle for researchers]. 14.09.2016. *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/a/JXqM8/bosniers-integration-sticker-ut-gata-for-forskare> (accessed: 15.01.2023). (In Swed.).
22. Ekenberg K. Bosnier bäst på Svenssonliv [Bosnian Best at Svenssonliv]. 17.08.2008. *Arbetarbladet*. Available at: <https://www.arbetarbladet.se/2008-08-17/bosnier-bast-pa-svenssonliv> (accessed: 10.01.2023). (In Swed.).
23. Kallifatides T. Det gångna är inte en dröm [The Past is not a Dream]. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010. 233 p. (In Swed.).
24. Morkina M. A. Figura Materi v sovremennoy shvedskoy literature o migrantakh kak faktor formirovaniya kulturnoy identichnosti [Mother Figure in the Modern Swedish

Literature about Migrants as Factor of Cultural Identity Formation]. *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14. Iss. 5. P. 1435-1441. (In Russ.).

25. Brochmann, G., Hagelund, A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The emergence of a social policy problem. *Nordic Journal of Migration Research*. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 13–24. DOI: 10.2478/v10202-011-0003-3.

26. Zegarac, J. Becoming integrated – pathways and navigation within a Swedish municipality. A case study about Bosnians integration processes in Värnamo. University of Göteborg, Department of Social Work, 2015. 66 p.

Сведения об авторах / Information about authors

Иванов Павел Сергеевич – магистрант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0003-6081-644X

Моркина Марта Александровна – старший преподаватель Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: morkina_ma@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8253-3374

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ivanov Pavel S. – master student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0003-6081-644X

Morkina Marta A. – senior lecturer of the Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: morkina_ma@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8253-3374

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.02.2023. Одобрена после рецензирования 09.03.2023. Принята 01.04.2023.
Received 19.02.2023. Approved after reviewing 09.03.2023. Accepted 01.04.2023.*